

Примечания

- ¹ Бакулов В.Д. Социокультурные метаморфозы утопизма: автореферат дис. ... д.ф.н. Ростов-на-Дону, 2003. С. 6–7.
- ² Черткова Е.Л. Утопия как тип сознания // Общественные науки и современность. 1993. № 3. С. 71–81.
- ³ Баталов Э.Я. В мире утопии: (Пять диалогов об утопии, утопическом сознании и утопических экспериментах). М., 1989. С. 21–22.
- ⁴ Сабина О.Б. Жанр антиутопии в английской и американской литературе 30–50-х гг. XX в.: автореферат дис. ... к.ф.н. — М., 1990.
- ⁵ Алоис Муна (1886–1943) — чешский коммунистический деятель.
- ⁶ Pešta P. Satirik převratu Jiří Haussmann. Brno, 1999. S. 202–203. Здесь и далее перевод мой. — А. А.
- ⁷ В переводе с венгерского «здесь». Это слово чешские солдаты использовали вместо немецкого hier (чешский вариант в армии Австро-Венгрии был запрещен), во-первых, чтобы не употреблять немецкий вариант, а во-вторых, потому что оно было созвучно с чешским словом jelen (олень), превращая, по сути, обращение к офицеру в обзывательство.

DOI 10.31168/2619-0869.2018.3.1.10

С. А. Кожина

Канон социалистического реализма в чешской литературе 1970–80-х гг.: идеологические и художественные ориентиры официальной критики и их реализация

Термином «нормализация» в чешской историографии обозначается период с 1969 г. (избрание нового правительства во главе с Г. Гусаком) по 1989 г. (Бархатная революция). Традиционно он включает в себя процессы политической, экономической и культурной жизни Чехословакии этого периода, направленные на восстановление предшествующих реформам Пражской весны условий регламентации жизни государства на основе марксистско-ленинской идеологии, возвращение прежнего статуса КПЧ и сближение в решении этих задач с Советским союзом.

Особое внимание нормализационное правительство уделяло вопросам культуры и, уже, литературы. Целью нашего доклада является описание художественных и идеологических требований официальной критики по отношению к литературе периода нормализации и способов их реализации в произведениях.

Литературная критика данного периода характеризуется разделением на две параллельно развивающиеся и взаимодополняющие линии.

Первая, непосредственно связанная с процессами политическими, включает в себя разворачиваемые на страницах крупных изданий («Руде право», «Творба», «Турбина», «Кветы» и т. д.) идеологические кампании против деятелей культуры и искусства сначала 1960-х гг., а позже и представителей андеграунда и самиздата 1970-х гг. Примерами таких кампаний служит критика творчества Л. Вацулика, В. Черного в 1970 г., В. Гавела, П. Когоута после 1977 г. и других. Программные по своему характеру статьи, направленные против творчества активистов самиздата и андеграунда конца 1970-х гг. (связанных в первую очередь с Хартией-77), были объединены в сборник «Во имя социализма и счастливой жизни — против вредителей и самозванцев» (1977). Эти тексты носили преимущественно политический характер, поэтому сосредоточивались в первую очередь на осуждении представителей культурной жизни за их принадлежность к неофициальным течениям и группам. Характеристика поэтики произведений прямо проистекала из социального положения автора.

Вторая линия официальной критики фокусировалась в большей степени на обновлении сформировавшегося еще в 1950-е гг. канона социалистического реализма. На съезде чешских писателей 18 ноября 1971 г. социалистический реализм был снова объявлен «ведущим литературным методом», однако была очевидна его внутренняя пустота: он представлял собой своего рода бесплотную конструкцию. Появилась необходимость в восстановлении его содержания, реконструкции и одновременно с тем пополнении.

Центр критики составляли В. Достал, Й. Рыбак, В. Рзоу-нек, Г. Грзалова, которые стремились к преодолению «вредоносных тенденций» 1960-х гг., возвращению эстетических (на деле идеологических) ориентиров 1950-х гг.¹ Образцом для них являлось творчество М. Майеровой, И. Ольбрахта, С.К. Неймана, В. Ванчуры, В. Незвала. Авторы, излишне поддавшиеся влиянию эксперимента или спиритуализма, осуждались (В. Голан, Ф. Галас и др.). Г. Грзалова в своем труде «Совместное формирование действительности» (*Spolu-vytvářet skutečnost*, 1976) говорит о том, что современное творчество «возвращается к классическим основам социалистической литературы межвоенной и поствоенной, обновляются контакты с классической советской литературой и творчеством современных советских авторов»². К приведенному выше списку «образцов новой литературы» Грзалова прибавляет имена Я. Козака, Я. Коларжовой, Й. Рыбака. Позитивно Грзалова оценивает и изменения, произошедшие в творчестве В. Парала в романе «Молодой мужчина и белый кит» (*Mladý muž a bílá velryba*, 1974). Она, однако, воспринимает социалистический реализм нового времени не как механически воссозданные концепты 1950-х гг., а как синтез предшествующих достижений соцреалистического метода и современных экспериментов³.

Особый интерес работа Грзаловой представляет в первую очередь потому, что в ней автор выводит основные аспекты, на которых основывается «хорошее» произведение:

- ▶ партийность (ориентированность на нужды рабочего класса);
- ▶ историчность;
- ▶ связь прошлого и будущего («изображение жизни как целого [...] как в его современном состоянии, так и в отношении к прошлому и будущему[...]»⁴);
- ▶ назидательность;
- ▶ коллективность («Социализм ликвидирует разрыв между частной и общественной жизнью [...]»⁵).

Соответственно, в центре литературного процесса того периода оказывались произведения, изображающие «про-

цессы социального развития в недавнем прошлом»⁶, которые отвечали почти всем требованиям официальной критики (историчность, назидательность, опора на простые жизненные ценности). К ним относились и те произведения, которые должны были «правильно» охарактеризовать спорные моменты недавнего прошлого (преимущественно 1960-х гг.). Произведения такого плана можно охарактеризовать как «ретроспективные»⁷. Новый тип прозы в своих поисках определенного исторически сформированного идеала для создания образа будущего выполнял и требование дидактизма (правда в таких текстах изображена как непреложная истина, однозначная по отношению ко всем членам общества). Примером может служить творчество Й. Фрайса, Ф. Копецкого, Б. Ногейла и др.

Однако именно в рамках этой линии литературы начали появляться произведения, в значительной степени отступающие от официальных ориентиров, но формально выполняющие требования критики: В. Парала, З. Заплеталя, Б. Грабала и др. Они формировали своего рода «среднее течение» — прослойку между официальной и неофициальной линиями литературы. В творчестве данных авторов, маскируясь за клишированным каноном социалистического реализма, продолжали развиваться тенденции 1960-х гг.: изображение жизни отдельной личности и ее взаимоотношений с окружающим миром, стирание границ между «правильным» и «неправильным», размывание понятия «нормы».

Анализ произведений таких авторов представляет собой наибольший интерес. Их творчество демонстрирует не простое механическое следование правилам, а эстетическую переработку требований официальной критики. Нередко путем такой трансформации достигался обратный эффект (Б. Грабал, З. Заплеталя): произведение превращалось в тонкую сатиру на современное политическое устройство, жизнь общества и способы его стратификации. Так, в творчестве этих авторов историзм занимает центральное положение, однако не является самоцелью. В романе В. Парала «Мука

образности» (*Muka obraznosti, 1980*) история становится фоном для основного действия, повествования о жизни сомневающегося интеллектуала. Кумуляция событий в романе З. Заплетала «Полуночные бегуны» (*Půlnoční běžci, 1986*) — способом изображения напряженной нормализационной атмосферы. Иначе на переворотные моменты истории в новелле «Городок, где остановилось время» (*Městečko, kde se zastavil čas, 1978*) смотрят и нетривиальные герои Б. Грабала, разрушая тем самым однозначность трактовки.

Таким образом, канон социалистического реализма в период нормализации переживает несколько обратных направленных процессов. С одной стороны, наблюдаются активные (политически обусловленные) попытки его возрождения и восстановления как ведущего литературного метода. С другой, однако, именно они обнаруживают внутреннюю пустоту метода, его клишированность и невозможность применения в новых условиях. К концу 1970-х гг. в центре литературного процесса все чаще оказываются произведения, тем или иным способом нарушающие канонические правила или отходящие от них настолько, что по отношению к ним характеристику «социалистический реализм» применить невозможно.

Примечания

¹ Z dějin českého myšlení o literatuře: antologie k Dějinám české literatury 1945–1990. 4, 1970–1989. Praha, 2005. S. 16. Здесь и далее перевод мой. — С. К.

² Hrzalová H. Spoluvytvářet skutečnost: k vývoji české socialistické kritiky a prózy v letech 1945–1975. Praha, 1976. S. 151.

³ Ibid. S. 153.

⁴ Ibid. S. 155.

⁵ Ibid. S. 157.

⁶ Fialová A. Poučení z krizového vývoje: poválečná česká společnost v reflexi normalizační prózy. Praha, 2014. S. 63.

⁷ Ibid. S. 63–64.